

Валерий ШТЕЙНБАХ

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ОЛИМПИЙСКОЙ МЕДАЛИ

От Олимпии
до Сочи

История Олимпийских игр
в скандалах, провокациях,
судейских ошибках и курьезах

Валерий Львович Штейнбах
Оборотная сторона
олимпийской медали.
История Олимпийских игр
в скандалах, провокациях,
судейских ошибках и курьезах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22837658

В. Л. Штейнбах. Оборотная сторона олимпийской медали:

Издательство «Спорт»; Москва; 2015

ISBN 978-5-9906578-7-8

Аннотация

Олимпийские игры давно стали настоящим праздником не только для спортсменов, но и для большинства людей во всем мире. Всех интересуют результаты соревнований, биографии спортсменов, наиболее яркие страницы олимпийской летописи. Но в олимпийском движении есть и другая сторона. Речь идет о тайнах закулисной борьбы, скандалах, провокациях, недостойном поведении спортсменов и судей – одним словом, о том, что противоречит самой идее олимпизма и наносит ему немалый вред. Скрыть подобные факты чаще всего не удастся, и многие

неприглядные стороны организации Игр, поведения спортсменов, политические интриги выходят на свет Божий, зачастую довольно сильно шокируя общественность. Автор решил представить историю Олимпийских игр не в очках, секундах и килограммах, а в этих самых скандалах и ошибках, грустных и порой смешных ситуациях, возникавших во время соревнований, до и после них.

Содержание

Соперники Нерона на старт не вышли	8
Быть или не быть первой Олимпиаде?	16
На заре XX века	32
Снова в тени Всемирной выставки	41
Олимпиада судейских ошибок	49
Спортивная Цусима	66
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Валерий Штейнбах
Оборотная сторона
олимпийской медали
История Олимпийских
игр в скандалах,
провокациях, судейских
ошибках и курьезах
2-е издание, исправленное
и дополненное

© Штейнбах В. Л., 2008, дополнения, 2015

© Издательство «Спорт», оформление, издание, 2015

* * *

Соперники Нерона на старт не вышли

Олимпийские игры давно стали настоящим праздником не только для спортсменов, но и для большинства людей во всем мире. Всех интересуют результаты соревнований, биографии спортсменов, наиболее яркие страницы олимпийской летописи. Но в олимпийском движении есть и другая сторона. Речь идет о тайнах закулисной борьбы, скандалах, провокациях, недостойном поведении спортсменов и судей – одним словом, о том, что противоречит самой идее олимпизма и наносит ему немалый вред. Скрыть подобные факты чаще всего не удастся, и многие неприглядные стороны организации Игр, поведения спортсменов, политические интриги выходят на свет Божий, зачастую довольно сильно шокируя общественность.

Ни одни Олимпийские игры, да и вообще практически ни одно большое спортивное состязание не обходится без скандалов. Это аксиома. Одно время Игры потрясали политические скандалы. Потом настали времена скандалов коррупционных. Ну, а в наши дни чаще всего скандалы и недоразумения связаны с предвзятым, а порой и безграмотным судейством или с допингом.

Олимпийские скандалы – отнюдь не порождение наше-

го времени. Различные пикантные ситуации и связанные с ними скандальные истории родились вместе со спортивными соревнованиями. Во всяком случае, история античных Олимпийских игр оставила потомкам немало примеров нечестной игры, подкупа судей и соперников, мошенничества и жульничества.

Да взять хотя бы одну из самых распространенных легенд о возникновении Олимпийских игр. Помните? Это легенда о Пелопсе, которую упоминают древнеримский поэт Овидий в своих «Метаморфозах» и древнегреческий поэт Пиндар.

Жил на свете симпатичный паренек, звали его Пелопс, был он сыном Тантала. После того как царь Трои Ил завоевал его родной город Сипил, он покинул родину и отправился к берегам Греции. На самом юге Греции он нашел полуостров и поселился на нем. С тех пор этот полуостров стали называть Пелопоннесом. Однажды увидел Пелопс красавицу Гипподамию – дочь Эномая, который был царем Писы, города, расположенного на северо-западе Пелопоннеса, в долине реки Алфей. Пелопс влюбился в прекрасную дочь Эномая и решил просить у царя ее руки.

Но это оказалось делом не таким уж легким. Оказывается, оракул предсказал Эномаю гибель от руки мужа его дочери. Чтобы обмануть судьбу, Эномай решил вообще не выдавать дочь замуж. Но как это сделать? Как отказывать всем претендентам на руку Гипподамии? Много достойных женихов сваталось за красавицу царевну. Отказывать всем без причины

Эномай не мог, и он придумал жестокое условие: он отдаст Гипподамию в жены лишь тому, кто победит его в состязании на колеснице, если же победителем окажется он сам, то побежденный должен поплатиться жизнью. Во всей Греции не было равных Эномаю в искусстве управлять колесницей, да и кони его были быстрее ветра.

Один за другим приходили во дворец Эномая молодые люди, готовые лишиться жизни, лишь бы получить в жены прекрасную Гипподамию. И всех их убил Эномай, а чтоб неповадно другим было приходиться свататься, прибил головы погибших к дверям дворца.

Но это не остановило Пелопса. Он решил перехитрить жестокого правителя Писы. Тайно договорился Пелопс с возничим Эномая Миртилом, чтобы тот не вставлял чеку, удерживающую колесо на оси.

Перед началом состязаний Эномай, уверенный, как всегда, в успехе, предложил Пелопсу начать гонку в одиночестве. Колесница жениха срывается с места, а Эномай не спеша приносит жертву великому громовержцу Зевсу и только после этого бросается вдогонку.

Вот уже колесница Эномая достигла Пелопса, уже чувствует сын Тантала горячее дыхание коней царя Писы, он оборачивается и видит, как царь с торжествующим смехом замахивается копьем. Но в этот момент колеса с осей колесницы Эномая соскакивают, колесница опрокидывается, и жестокий царь замертво падает на землю.

Торжественно возвратился Пелопс в Пису, взял в жены прекрасную Гипподамию, завладел всем царством Эномая и в честь своей победы устроил в Олимпии спортивный праздник, который решил повторять раз в четыре года.

Ну, что? Разве это не жульничество? Но здесь хоть на кону была жизнь парня, а в спортивных состязаниях лишь слава и лавровый венок, а потом, конечно, медали, ну, а совсем потом – гонорары. Но это, в основном, уже в наши дни. А были ли скандальные случаи в Античной Греции? А как же!

Всем известно, что в Олимпии между стадионом и рекой Алфей были установлены мраморные статуи олимпиоников. Эти прекрасные статуи ставились на средства тех городов, откуда родом были новые «полубоги»: первый чемпион Кор-эб из Элиды; «сильнейший среди сильных» Милон из Кротона; Политес из Корины, одержавший на 212-й Олимпиаде три победы во всех трех видах бега в течение одного дня; Ласфен из Тебеи, который бежал 30 километров, соревнуясь с лошадыю; Никола из Акрии, который на двух Олимпиадах одержал пять побед в беге, и множество других славных атлетов.

Но мало кто знает, что неподалеку от холма Крона в той же Олимпии стояло несколько десятков почти одинаковых изваяний Зевса. Каждая из этих статуй была сооружена на деньги со штрафов, накладывавшихся на тех участников Игр, которые жульничали, пытались подкупать противников, наносили во время соревнований увечья сопернику, – в об-

щем, совершали различные неэтичные поступки.

Нарушения правил, зафиксированные в исторических памятниках, были весьма разнообразны. Например, на 71-й Олимпиаде, в 496 году до н. э., элланодики (так назывались судьи) не признали атлета Клеомеда победителем в кулачном бою, потому что он во время состязания случайно убил своего противника. На 75-й Олимпиаде, в 480 году до н. э., был оштрафован знаменитый атлет Теаган за то, что он отказался от участия в панкратионе, сказав, что утомился во время кулачного боя, а по правилам все виды состязаний, входившие в программу Игр, тогда являлись обязательными для каждого участника.

На 90-й Олимпиаде, в 420 году до н. э., не была признана победа возницы Лихаса, так как он незаконно принял участие в Играх: Лихас был спартанцем, а Спарта в этой Олимпиаде не участвовала. Еще до объявления священного перемирия около тысячи тяжеловооруженных спартанских пехотинцев вели боевые действия на территории Элиды. Не прекратили они воевать и после объявления перемирия. Согласно закону, спартанцам предписали заплатить штраф – 200 драхм за каждого воина. Спартанцы отказались платить, и им запретили участвовать в Играх. Лихас же решил всех перехитрить и записался на участие в Играх от имени другого города.

Вообще, гонки колесниц были, пожалуй, самым, как сказали бы сейчас, криминогенным видом, входившим в про-

грамму древних Игр. Здесь было больше всего подкупа, мошенничества, жульничества. В самом начале владельцы лошадей являлись одновременно и тренерами и участниками. Но соревнования эти были очень опасными, так как участники не останавливались перед самыми грубыми средствами, лишь бы перевернуть колесницу соперника, не дать ему прийти к финишу первым. Несчастные и даже смертельные случаи были на этих соревнованиях нередки.

Очень скоро богатые владельцы конюшен решили завоевывать победу, не подвергаясь риску. Они стали отправлять на соревнования рабов под своим именем. В случае победы раб получал от своего хозяина значительную сумму денег и мог быть даже отпущен на свободу и стать гражданином. Можно себе представить, что конкуренты не щадили себя, добывая победу своим хозяевам. Обычай этот распространялся довольно быстро. И очень скоро в соревнованиях стали принимать участие только «профессионалы». Известны даже случаи, когда владелец лошадей вообще не приезжал на Игры. Так нередко поступали могущественные правители, обремененные государственными делами. Некоторые государи содержали роскошные конюшни, например, римские императоры Тиберий и Нерон, имена которых фигурируют в списках олимпийских победителей.

Как получилось, что в число олимпиоников попали римляне, ведь чужестранцам не разрешалось участвовать в Играх? В 146 году до н. э. Грецию завоевали римляне, и по-

бежденные греки вопреки священной традиции вынуждены были позволить им участвовать в Играх. (Вот вам и политические мотивы! Значит, и это не порождение наших дней!)

Переполненный гордостью Нерон приказал построить в Олимпии сказочный дворец, а затем решил сам участвовать в состязаниях колесниц. В этих соревнованиях предполагалось участие множества атлетов. Огромное количество колесниц принадлежало знатнейшим фамилиям, а участники были прекрасно подготовлены. Но когда стало известно, что император собственной персоной хочет участвовать в соревнованиях, все немедленно ретировались. Никто не осмелился помешать Нерону стать «чемпионом». Каждый отлично знал: попытайся он противостоять Нерону, сразу появится риск потерять жизнь.

Таким образом, Нерон в гордом одиночестве появился на дорожке ипподрома, стоя на своей колеснице, запряженной десятью лошадьми. На дистанции он дважды умудрился упасть, но наконец добрался до финиша. Он был немедленно увенчан лавровым венком, и никто не посмел даже улыбнуться.

После 98-й Олимпиады были установлены сразу четыре статуи Зевса: кулачный боец Эвпол дал взятку своим троим соперникам. Наказаны были все четверо, и не только солидным денежным штрафом, но и всеобщим презрением. Недалом одна из надписей на этих статуях гласила: «Победа в Олимпии добывается не деньгами, а быстротой ног и крепо-

стью тела».

Быть или не быть первой Олимпиаде?

После Учредительного конгресса, на котором был избран Международный олимпийский комитет и выбрана столица Игр I Олимпиады – Афины, началась подготовка к организации Игр. В конце октября 1894 года Пьер де Кубертен внезапно выехал из Парижа поездом в Марсель, а оттуда на борту парохода «Ортегаль» в Афины.

Чем был вызван этот неожиданный отъезд? Ведь последние новости, полученные от первого президента Международного олимпийского комитета, его друга грека Диметриуса Викеласа, казались обнадеживающими. Викелас писал из греческой столицы: «От Бриндизи до Афин все мои соотечественники говорят с радостью об Олимпийских играх».

Но после этого Викелас встретился с премьер-министром Трикуписом, и тот уговаривал его не спешить с организацией Игр.

И вот эта осторожная позиция премьер-министра вызвала мгновенную реакцию Кубертена. Он почувствовал, что отказ не заставит себя ждать, и решил выехать навстречу событиям. В Афины Кубертен отправился не с пустыми руками: у него был документ, способный, по его мнению, оказать давление на греческое правительство. Речь идет о пись-

ме Ференца Кемени – члена МОК для Венгрии, который на осторожное предложение Кубертена на тот случай, если Греция откажется проводить у себя Игры, подтвердил согласие Венгрии охотно провести их у себя в рамках грандиозных манифестаций в честь празднования в 1896 году тысячелетия венгерского государства...

Сойдя с борта «Ортегалья», Кубертен увидел своего верного друга Викеласа, который сразу взволнованно спросил его: – Вы получили письмо Драгумиса? Нет? Я так и думал. Я принес вам копию.

Драгумис, депутат, бывший министр, входил в комиссию, которая, по мнению Викеласа, должна была взять в свои руки организацию Игр. В письме, прибывшем в Париж уже после отъезда Кубертена, Драгумис, ссылаясь на более-менее уважительные причины, сообщал, что Греция отказывается от Игр.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Викелас, когда Кубертен ознакомился с содержанием письма.

– Поеду на развалины стадиона, – невозмутимо ответил барон.

...Город проснулся, он копошится и смеется, работает и болтает. На многолюдных улицах, пахнущих фруктами и солеными маслинами, женщины торгуются с продавцами, разложившими товары прямо на тротуаре или на небольших лотках, сплетничают о разных пустяках. Перед зданием уни-

верситета студенты в своих разговорах свергают правительство и переустраивают мир. В шум толпы то и дело врывается звук рожка: экипаж просит дорогу. Весь город залит солнцем, оно отражается в оконных стеклах, зайчиком прыгает по беломраморной облицовке домов, высвечивает колонны в развалинах древнего стадиона. По подсчетам Кубертена, на реконструкцию стадиона и оборудование других мест для олимпийских соревнований потребуется 200 тысяч драхм.

– Надо достать двести тысяч драхм, и Первые Олимпийские игры нового времени будут проходить здесь, – говорит он Викеласу.

Через час в номер отеля «Англетер», в котором остановился Кубертен, постучали. Барону нанес визит поверенный в делах Франции господин Моруар. Он настроен более чем пессимистически.

– Вы спровоцировали серьезный политический кризис, – чуть ли не с порога заявляет он. – Глава оппозиции Делианис вступился за Игры. Премьер Трикупис – против. Речь идет о его портфеле. Пресса разделилась на два лагеря. В Афинах все говорят только об Играх.

– Викелас сказал мне, что народ с большим интересом принял идею проведения Олимпийских игр.

– О, народ, знаете ли...

– Это важно! – говорит Кубертен.

Через некоторое время в отель собственной персоной является Карилаос Трикупис. Должно быть, он слишком за-

интересован в решении этой проблемы, вновь возникшей с приездом француза, раз решился нарушить протокол. Кубертен принимает его со своей обычной учтивостью. Трикупис любезен в разговоре и тверд в своем отказе; Кубертен улыбается.

– Греция не располагает достаточными финансовыми возможностями, – говорит премьер-министр.

– Речь идет о двухстах тысячах драхм...

– Ваши подсчеты, мне кажется, далеки от истины.

– Они точны, ваше превосходительство.

– Допустим, вы правы, но посмотрите на проблему с другой стороны: как за границей станут судить о стране, которая, будучи покрыта долгами, пускается в расходы?

– Бесполезные, ненужные расходы?

– Скажем, расходы на удовольствия.

– Все сооружения достанутся Афинам, то есть юным жителям города. Двести тысяч драхм для афинской молодежи – разве это много? Кто же не поймет отца семейства, подписывающего новый долг для того, чтобы его сыновья вернули Греции ее славное прошлое?

– Изучите досконально наши ресурсы и стоимость Игр, – просит Трикупис, уходя, – и вы убедитесь, что для нас эта затея невозможна.

В тот же день Кубертен пишет редактору газеты «L'Asty» письмо, которое заканчивает такими словами: «У нас, французов, есть поговорка: слово «невозможный» – не француз-

ское. Некто сказал мне сегодня утром, что оно греческое. Я этому не верю».

«Все Афины говорят только об Играх», – сказал Кубертену французский посланник. Барон и сам может в этом убедиться. Он ходит по улицам города с Викеласом, разговаривает со студентами, торговцами, рабочими, кучерами фиакров. Как только речь заходит об Играх, повсюду одинаковое возбуждение, одинаковая надежда.

В эти дня в Греции нет короля Георга, он уехал в Петербург. Если бы монарх был в Афинах, Кубертен обязательно попросил бы аудиенции и уговорил бы его. Теперь он добивается встречи с наследным принцем Константином, герцогом Спарты. Принцу двадцать шесть лет. Он красив, мужествен, предприимчив, любит спорт, пользуется популярностью. Кубертен пускает в ход все свое красноречие, чтобы сделать его союзником. Услышав доводы Кубертена в пользу Олимпийских игр, принц заколебался. Кубертен говорит ему о Греции – не той, прежней, древней, но о Греции сегодняшней. Принц видит перед собой не поклонника античности, а человека, который живо интересуется проблемами современных греков, их недавней историей. Француз вспоминает о восстании греков против турецкого господства в 1821 году, когда «мир уже не знал, что вообще есть Греция». Европа в то время переживала период реакции после поражения французской революции. Короли претендовали только на роль жандармов для своих народов, и одно лишь

слово «восстание» заставляло их дрожать. Главы многих государств тайком помогали туркам: выгоднее поддерживать сильных.

Отчаянные призывы греков трогают лишь простой народ да людей искусства. Английский поэт Джордж Байрон становится борцом за свободу Греции. Резня в Чио оставляет равнодушными политических деятелей, но обливается кровью полотно французского живописца Эжена Делакруа. Во многих странах создаются комитеты помощи Греции, заставляя правительства вмешаться и остановить кровопролитие. Наконец Греция свободна! Триста тысяч греков сложили головы за то, чтобы оставшиеся шестьсот тысяч стали хозяевами своей судьбы.

– Именно в эту Грецию я верю, – заканчивает Кубертен.

– А я, – говорит принц, – верю в Олимпийские игры.

Константин заявляет премьер-министру, что намерен поддержать Кубертена, и признает Организационный комитет Олимпийских игр.

Кубертен не теряет времени даром: наносит визиты общественным деятелям, посещает редакции газет и, наконец, выступает в литературном клубе «Парнас» с лекцией «Спорт в современном мире и Олимпийские игры». Зал был набит битком. Кубертен повторил многое из того, что говорил в Сорбонне по поводу возрождения Олимпиад, в общих чертах нарисовал картину античных Игр и далее решительно изложил свои самые смелые мысли о влиянии спорта на духов-

ное развитие человека, о демократии и интернационализме. Подчеркивая интернациональный характер спорта, он говорил о том, что нужно радоваться успехам не только своих земляков, но и всех приехавших на Игры.

– Слово «чужестранец», – говорил Кубертен, – не должно бытовать в спортивном лексиконе. Победы атлетов из других стран должны не огорчать, а вдохновлять на упорные тренировки. Позорным должно стать не поражение, а неучастие в Играх.

Он призвал собравшихся превратить Первые Игры в праздник мира. Эта лекция имела шумный успех и заметно пополнила число сторонников Игр. Можно сказать, что она родила волну, которая смела последнее сопротивление противников Игр.

Перед отъездом из Афин Кубертен собрал Организационный комитет и сказал:

– Для вас, наследников древних греков, все будет просто. Сооружения? Они у вас уже есть, по крайней мере почти все. Организаторы? Само ваше присутствие здесь дает на этот счет твердую гарантию. Энтузиазм ваших соотечественников? Об этом даже говорить не приходится. Но надо тотчас же приниматься за дело. Каждый потерянный день работает против нас. Что касается программы, она разработана подробно французскими и американскими специалистами.

По пути домой Кубертен совершает паломничество в Олимпию. Он бродит среди развалин древних храмов, гуля-

ет по берегу Алфея, читает высеченные на колоннах имена олимпийоников...

Мать битв, приносящих золотые венки,
Олимпия, хозяйка правды, —

вслух произносит Кубертен стихи Пиндара.

После отъезда Кубертена поэзия уступает место прозе. Премьер-министр Греции предпринимает последние попытки сорвать Игры. По его указке депутат Скулудис, член Организационного комитета, критикует бюджет, составленный Кубертеном, говорит, что он намного занижен, убеждает своих коллег в неразумности предприятия, составляет вместе с ними коллективное ходатайство, мотивируя отказ от Игр невозможностью достать необходимую сумму денег.

Тогда принц Константин решительно берет все на себя, реорганизует комитет, удалив из него оппозицию, назначает генеральным секретарем бывшего мэра Афин Тимолеона Филимона и руководит всеми заседаниями комитета вплоть до начала Игр.

Трикупис открыто выражает недовольство принцем и, воспользовавшись первым же столкновением с ним, просит короля выбрать между своим сыном и премьером. Король, естественно, не становится на сторону министра, и тот вынужден подать в отставку. Отныне судьба Игр полностью в руках Организационного комитета.

В Афины начинают прибывать средства со всех концов страны, деньги из-за границы комитет отказывается принимать. Благодаря щедрости греков сумма олимпийского фонда дошла до 332 756 драхм. Но этого было недостаточно. Кубертен действительно ошибся в расчетах. Тогда как нельзя кстати оказалось предложение основателя греческой ассоциации коллекционеров почтовых марок Деметриса Сакарафоса выпустить первые в мире олимпийские марки. Стоимость марок должна была превышать почтовый тариф, а выручку от реализации этого выпуска Сакарафос предложил направить в фонд проведения Игр. Идею Сакарафоса подхватили газеты. Греческий парламент утвердил закон о выпуске первых в мире олимпийских марок. Правительство выделило четыреста тысяч драхм под продажу этих марок. Кубертен вспоминал впоследствии: «После выпуска олимпийских марок успех организации Олимпийских игр был предрешен».

Наконец, греческий богач и меценат из Александрии Георгиос Аверофф дал миллион драхм (тогда это равнялось 184 тысячам долларов) на реконструкцию стадиона из белого пентеликского мрамора, того самого стадиона, который построили еще в IV веке до н. э. и от которого остались только развалины – следы, почти стертые временем. Благодаря этому Аверофф оказался на некоторое время в центре всеобщего внимания и, в определенной мере, потеснил самого Кубертена. Возле стадиона даже воздвигли бюст мецената (он, кстати, стоит там и по сей день), а на церемонии откры-

тия Игр его заслуги превозносились до небес. Имя Кубертена вообще не упоминалось. Когда же он попытался напомнить о своем авторстве публично, одна из афинских газет обозвала его «вором, пытающимся лишить Грецию ее наследия». Со временем Греция присоединилась ко всему миру в признании заслуг барона де Кубертена – истинного организатора Олимпийских игр современности.

За полгода до начала Игр Организационный комитет разослал во многие страны приглашения:

«16 июня 1894 года в парижской Сорбонне состоялся Международный спортивный конгресс, который принял решение возобновить Олимпийские игры и назначил проведение I Игр в Афинах на 1896 год.

Согласно этому решению, воспринятому в Греции с большим воодушевлением, Всеафинский комитет под председательством Его Королевского Высочества принца-регента Греции посылает Вам это приглашение на открытие соревнований, которые состоятся с 6 по 15 апреля 1896 года в Афинах. При этом прилагаем условия соревнований.

Это приглашение рассылается согласно полученным полномочиям от находящегося в Париже Международного олимпийского комитета.

Надеемся на Ваш скорый ответ.

Генеральный секретарь Греческого олимпийского комитета Тимолеон Филимон. Афины, 30 сентября 1895 года».

Казалось бы, все, слава Богу, уладилось. Но начались новые трудности, уже не в Греции. Во Франции руководители стрелкового спорта отказываются подчиняться Международному олимпийскому комитету и не хотят участвовать в Играх. Французское правительство, оказавшее горячую поддержку идее Игр, не выражает большого желания финансировать поездку в Афины легкоатлетов. Гимнасты, демонстрируя свой патриотизм, заявляют, что они не поедут на Игры, если там будут немцы. В свою очередь немцы отказываются от участия, ссылаясь на сдержанное к ним отношение Кубертена. Россия проявляет полное равнодушие и вообще ничего не предпринимает. Английское правительство выражает недоверие Играм. Бельгия отказывается послать своих гимнастов, говоря, что гимнастика и спорт разные вещи. И только члены МОК англичанин Чарльз Херберт и американец Уильям Миллиган Слоуэн оказывают Кубертену полную поддержку.

Чтобы понять равнодушие многих современников к идее Кубертена, попытаемся окунуться в те времена – последние несколько лет XIX века, которые не очень удачно получили название «прекрасной эпохи». На самом деле вся Европа жила в лихорадочном предвоенном мире, кружась в вихре удовольствий, как в венском вальсе.

Париж, центр искусства и культуры, оставался лучом, который притягивал к себе весь мир. Персидский шах вызвал

восхищение на парижских бульварах своими закрученными кверху усами и чуть не породил дипломатический скандал, заявив президенту Франции Форю, который присутствовал вместе с ним на балете в Гранд Опера, о своем желании взять часть звезд кордебалета в свой гарем.

Последние годы XIX столетия прошли под знаком укрепления франко-российских отношений. Николай II вместе с царицей были встречены с триумфом в Париже в 1896 году. Французы говорили: «Надо отдать должное русским: они открыли импрессионистов и так активно участвовали в покупке их картин, что цены на них, до того очень скромные, неимоверно подскочили».

Два гениальных брата собирают толпы любопытных в подвале одного из отелей. Это рождение кино. Его создатели считают свое изобретение вполне безобидным и не могут себе представить, что буквально через десяток лет их детище вызовет коммерческий бум.

Кроме всего прочего, мир всколыхнуло дело капитана Дрейфуса, осужденного только потому, что он был евреем. Вскоре вся Франция была разбита на два лагеря: с одной стороны приверженцы истины, с другой – антисемиты и якобы сторонники порядка в армии, сторонники государственных интересов. Истина восторжествовала только спустя шесть лет, после того как в защиту несправедливо осужденного выступили Эмиль Золя, Анатоль Франс, Клемансо, Жорес...

И в это время скромный, но очень упрямый барон из Нор-

мандии проповедует интернационализм и пробуждение мирового сознания. Забавное совпадение, оно лишь подтверждает пословицу о том, что нет пророка в своем отечестве.

Но, тем не менее, проходит какое-то время, и Кубертен может, наконец, вздохнуть спокойно. Многие препоны преодолены, от некоторых стран получены подтверждения об участии в Играх.

...И вот наступил долгожданный день – 6 апреля 1896 года. Раздался пушечный выстрел, и над стадионом поплыли звуки олимпийского гимна, сопровождаемого ангельским пением женского хора. Эхо музыки, которая принесла славу оперному композитору Спиро Самара, ныне абсолютно забытому, отозвалось далеко за холмами, обрамляющими город.

Задача этой книги не подробный рассказ об Олимпийских играх, о соревнованиях и спортсменах, нет, наша задача более скромная – рассказать о том, что мешало организовывать Игры, проводить их, постараться раскрыть самые неприглядные стороны и ситуации, в которые зачастую попадали участники и организаторы этого поистине великого явления мировой общественной жизни. Поэтому не будем останавливаться на том, как проходили соревнования, если они проходили нормально с точки зрения спортивной, этической, юридической, да и любой другой. Остановимся лишь на том, что выходит за рамки общепринятой нормы.

Соревнования по плаванию на Играх I Олимпиады про-

водились в открытом море, в морской гавани греческой столицы. Дело в том, что в то время в Афинах еще не было построено ни одного бассейна. Линии старта и финиша были отмечены канатами, прикрепленными к поплавкам. Погода стояла пасмурная, море волновалось, температура воды едва достигала тринадцати градусов. Один из участников состязаний, пловец Джон Уильямс из США, вылез на берег сразу после старта и заявил, что в такой холодной воде проводить состязания нельзя. Организаторы проигнорировали претензии американца. Первым олимпийским чемпионом по плаванию стал замечательный венгерский спортсмен Альфред Хайош, он завоевал две золотые медали: на самой короткой дистанции – 100 м вольным стилем, и на самой длинной – 1200 м. Вот как он позже вспоминал свои афинские баталии:

«На дистанции в тысячу двести метров стартовали пятнадцать участников. На трех маленьких суденышках нас доставили в открытое море, которое было довольно беспокойным. Тело мое было покрыто слоем жира толщиной в палец: я пытался защитить себя от ледяной воды. По сигналу стартового пистолета мы прыгнули в воду, после чего суденышки оставили нас и поспешили к финишу, чтобы доложить жюри, что старт прошел успешно. Признаться, я слегка содрогнулся от мысли: что будет, если от холодной воды участников схватит судорога? Инстинкт самосохранения заслонил желание победить, отчаянными гребками я рассекал воду и успокоился только тогда, когда суденышки снова повернули к нам

и начали вылавливать из воды отказавшихся от борьбы окончивших пловцов. Я в это время находился уже неподалеку от горловины бухты. Все более усиливался гул толпы. Своих соперников я победил с большим преимуществом. Однако самую большую борьбу пришлось вести не с ними, а с четырехметровыми морскими волнами и ужасно холодной водой...»

Первое серьезное нарушение спортивной этики произошло на Первой Олимпиаде, и связано оно с марафонским бегом. Сразу после финиша пришедший четвертым венгр Дезе Кельнер заявил протест, требуя дисквалификации греческого бегуна С. Васиلاكоса, занявшего третье место, поскольку тот, по словам Кельнера, появился перед ним буквально на последних сотнях метров дистанции. Расследование таинственного происшествия не заняло много времени, так как вскоре нашлись свидетели, видевшие, как Васиلاكос с завидным самообладанием преодолел значительную часть дистанции на повозке, запряженной резвыми лошадьми, и вновь включился в соревнование на заключительном отрезке марафона. Нарушитель был дисквалифицирован и публично лишен права носить национальную форму. Венгерский марафонец получил свою законную бронзовую медаль, а также золотые часы в знак компенсации за понесенный моральный ущерб.

Справедливости ради можно упомянуть о том, что на Иг-

рах I Олимпиады нередко были проявления благородства и других положительных человеческих качеств. К примеру, удивителен поступок победителя в стокилометровой гонке на велотреке француза Леона Фламана. Своим джентльменским поведением во время соревнований Фламан завоевал симпатии публики, а после гонки стал одним из самых популярных спортсменов Афинской Олимпиады. А произошло вот что. Фламан вел гонку и вдруг заметил, что его соперник грек Георгиос Колеттис остановился. Оказалось, что у того сломался велосипед. Тогда француз тоже остановился и стал ждать, пока его сопернику сменят машину. Только после того как грек сел в седло, Фламан возобновил гонку и одержал вдвойне убедительную победу. Но это тема совсем другой книги.

На заре XX века

Последний год XIX столетия. Уже почти затихла буря негодования, которую вызвал «гвоздь» Всемирной выставки 1889 года – огромная вышка из стальных ферм, поставленная инженером А.-Г. Эйфелем и названная Эйфелевой башней. Известный французский писатель Андре Моруа писал:

«Эта мачта беспроводного телеграфа для великанов ни красива, ни безобразна. Это – железный остов, дерзость и размер которого сделали его известным всему миру».

Прошло совсем немного времени, и эта башня стала неотъемлемой частью облика Парижа. Разве можно представить сейчас Париж без Эйфелевой башни?

Последний год XIX столетия. Парижанам хотелось, чтобы этот последний год века закончился апофеозом. Париж готовился к своей третьей Всемирной выставке. В тени Эйфелевой башни, вдоль набережной Сены, на площади перед Домом инвалидов прогуливались парочки: мужчины в цилиндрах, в ботинках на пуговицах, с аккуратно подстриженными бородками и победно торчащими усами увлекали за собой своих дам в шуршащих туалетах, с осиными талиями и роскошными волосами, спрятанными под вуалью. С огромным любопытством, присущим всем празднующимся, они осматривали строящиеся сооружения выставки. Строительство шло полным ходом. Плотники, художники, деко-

раторы спешили, расталкивая друг друга. Атмосфера была приподнятой и в то же время деловитой.

Во всем чувствовалось приближение выставочных торжеств. Даже на строительных лесах рабочие распевали популярные в те времена арии из оперетт «Парижская жизнь» и «Сказки Гофмана». Модно было и все русское: ожидалось прибытие русского царя, самодержца всея Руси Николая II. Он должен был официально открыть широкий мост через Сену, украшенный по последней моде, мост, который впоследствии будет носить имя его отца – Александра III. Воздух Парижа был напоен ароматом приближающегося праздника.

Парижане, которые со все возрастающим лихорадочным нетерпением ждали открытия выставки, гадали, что они увидят, и загадывали, куда бы пойти, чтоб, не дай Бог, не пропустить самое интересное. Быть может, в Булонский лес, нет, лучше на выставку технических новинок, а может, посмотреть на атлетов, которые несомненно блеснут своим мастерством на подмостках? Или на стадион? Кто пробежит быстрее всех? У кого больше бицепсы? Кто сильнее всех?

В Европе тогда только и говорили о профессиональном английском велогонщике Чарли Мэрфи, который покрыл дистанцию в одну милю за 1 минуту, двигаясь за... паровозом. Как уж это ему удалось? Наверное, на всем пути следования на шпалы были прибиты планки, чтобы он мог «приклеиться» к паровозу, который его тащил.

В шуме и гуще этих событий Пьер де Кубертен думает о II Олимпийских играх, которые в знак признания его заслуг Международный олимпийский комитет решил провести в Париже. Но у французского национального олимпийского комитета не оказалось достаточных средств. Выход из создавшегося положения Кубертен видит лишь в одном: использовать Всемирную выставку, приурочив к ней Игры.

Кубертен разработал программу Игр и представил ее организаторам Всемирной выставки. Ответственный за спортивные и развлекательные мероприятия выставки, прочитав предложения барона, воскликнул:

– Ваш проект – это просто безделица! Да все умрут от скуки, глядя на ваши невинные состязания по строгим правилам. Нам нужно нечто экстравагантное. Ваши любители нас не интересуют. Нам нужны настоящие спортсмены-профессионалы.

После этого Кубертен с горечью записывает в своем дневнике:

«Если и есть в мире место, где к Олимпийским играм абсолютно равнодушны, то это место – Париж».

Организацию Игр взял на себя Союз спортивных обществ Франции. Он уговорил владельца одного из прекраснейших замков в Курбеуа сдать его в аренду, надеясь создать там все условия для проведения в этом поместье основных состязаний. Но за два месяца до начала соревнований хозяин вдруг отказался от договора, мотивируя свой отказ тем, что

спортсмены могут испортить его замечательный парк.

Игры оказались под угрозой срыва, но Международный олимпийский комитет все-таки сумел договориться с организаторами Всемирной выставки. Тем не менее в высших сферах французского общества Олимпийские игры рассматривались всего лишь как часть развлекательной программы выставки.

Пьер де Кубертен практически был отстранен от руководства. Это еще раз доказывает, что «нет пророка в своем отечестве». Ответственность за организацию Игр была возложена на некоего Даниеля Мерилона, чьи спортивные познания ограничивались стрельбой, да и то, как писали французские газеты того времени, он при подготовке Олимпиады «забыл правильно прицелиться».

В противоположность тому, что происходило четыре года назад в Афинах, где вся программа, включавшая многие виды спорта, была рассчитана на десять дней, Парижские Игры растянулись на пять месяцев. Открытие Игр состоялось 20 мая 1900 года, закрытие – 28 октября. Соревнования по легкой атлетике и гимнастике проходили в июле, по плаванию и гребле – в августе, по велоспорту – в сентябре... Такой растянутый календарь, конечно, не мог способствовать успеху Игр, не мог сосредоточить всеобщее внимание на Играх.

Ко всем трудностям, преследовавшим Игры с самого начала, организаторы II Олимпиады сумели добавить еще и до-

полнительные. 14 июля должны были состояться финальные соревнования по легкой атлетике. Но так как 14 июля – национальный праздник, день взятия Бастилии, который французы очень торжественно отмечают грандиозным военным парадом, было слишком мало надежд на то, что в этот день кто-нибудь приедет в Булонский лес на соревнования, и денежная выручка могла оказаться ничтожной. Поэтому организаторы, недолго думая, перенесли финалы на следующий день. Следующим днем было воскресенье. Решение Оргкомитета вызвало недовольство части американских и британских атлетов-протестантов, так как в протестантской традиции считается предосудительным посвящать воскресенье светским развлечениям, и они по религиозным соображениям отказались выступать. Остальные, вопреки религиозным канонам, вышли на стадион. Таким образом, победителями в некоторых видах программы стали не самые сильные атлеты.

Первые три места в марафонском беге заняли французы, хотя накануне Олимпиады бесспорными фаворитами считались американские атлеты. На финише один из американцев обратил внимание на то, что победители, в отличие от остальных бегунов, не испачканы грязью, хотя на пути спортсменов находилась большая лужа, обежать которую было невозможно. Проигравшие обвинили французов в том, что те воспользовались знанием парижских улиц и срезали маршрут. Обвинения на решение арбитров не повлияли: золотая, серебряная и бронзовая медали достались хозяевам

Олимпиады.

Новшеством, весьма далеким от принципов олимпизма того времени, явились соревнования фехтовальщиков – турнир по трем видам оружия... среди профессионалов! Называлось это соревнованиями для преподавателей фехтования. Но все прекрасно знали, что фехтовальные мастера – профессионалы, причем во Франции, Италии и других странах с развитыми фехтовальными традициями люди весьма уважаемые.

Таким образом организаторы Игр пошли в разрез с главной олимпийской идеей, с самым основным тогда постулатом олимпизма – любительством. Это сегодня участие в Играх профессионалов почти по всем видам спорта никого уже не удивляет – сегодня можно все! – а тогда, на заре олимпизма, это, конечно, выглядело довольно кощунственно.

Ни на одной Олимпиаде после Парижской места соревнований не были так разбросаны по всему городу и так отдалены друг от друга. Соревнования проходили не только в различных частях Парижа, но и в предместьях французской столицы. Фехтование – в Тюильри, плавание – в Аньере, теннис – на острове Пюто, неподалеку от собачьего кладбища, гимнастика – в Венсенском лесу... Не было ни официальной церемонии открытия, ни парада закрытия. Короче говоря, все прошло в виде эдакой импровизации.

Если заглянуть в прессу того времени, невольно придется констатировать ее крайнюю сдержанность. До такой сте-

пени, что даже сегодня трудно составить точный список победителей. Не говоря уж о том, что до сих пор продолжают споры относительно принадлежности того или иного вида спорта к олимпийской программе. Вот один из многих примеров: немцы и французы продолжают претендовать на лавры победителей в соревнованиях по академической гребле на четверке с рулевым, так как было проведено два заезда – один выиграл экипаж из Гамбурга, другой – экипаж из Рубе, но никто пока не определил точно, какой же из этих двух заездов был настоящим.

Самая забавная история произошла с французом Мишелем Теато. Теато был одним из садовников Рэсинг-клуба и блистал в беге на длинные дистанции. К тому времени он уже одержал множество побед в соревнованиях самого различного ранга. Когда Мишель узнал, что на выставке предполагается провести забег на 40 километров, он записался и через несколько дней выиграл этот сверхдлинный пробег. Его имя было бы навсегда забыто, если бы через двенадцать лет вдруг не обнаружили, что эта дистанция практически совпадает с олимпийским марафоном. Тогда победителю, несмотря на двенадцатилетнее опоздание, вручили золотую олимпийскую медаль, что явилось для него полнейшей неожиданностью.

В 1965 году Французский олимпийский комитет для того, чтобы узнать, кто из призеров Парижской Олимпиады еще жив, воспользовавшись книгой венгерского олимпий-

ского историка доктора Ференца Мезе, собравшего результаты всех Игр, обнаружил, что некий француз Васеро числится вторым в спринтерской велосипедной гонке. Его нашли, и престарелый (ему было почти под девяносто) спортсмен с трудом вспомнил, что действительно в 1900 году участвовал в гонках в Венсенском парке. Но никто в то время не сказал ему, что он участвовал в Олимпийских играх. Ему вручили серебряную медаль, и он умер в 1968 году как призер Олимпийских игр. Такие казусы, связанные с Парижской Олимпиадой, к сожалению, нередки. Список чемпионов Игр 1900 года с большим трудом восстановили в 1912 году, но кое-что в нем до сих пор вызывает сомнения. Например, можно ли всерьез принимать некоторые соревнования, такие, как плавание, которое проводилось в мутной воде Сены и сильное течение раскидало пловцов по всей реке.

А вот что написал репортер газеты «Спорт Универсал» по поводу соревнований по гребле: «В этом виде спорта участвовали неотесанные грубые парни, которые своими криками пугали мирно отдыхающих на берегах Сены людей».

Парижские организаторы, как уже говорилось, не особенно обременяли себя даже теми обязанностями, которые им вменялись требованиями МОК. В частности, они не позаботились о том, чтобы вовремя были отчеканены наградные олимпийские медали, не говоря уж о памятной медали, которую так и не сообразовали изготовить. А победителям

и призерам вместо медалей вручались различные подарки – книги, вазочки, зонтики и так далее. Это породило массу неурядиц и недовольств. Международный олимпийский комитет восстановил справедливость и через некоторое время отчеканил медали и вручил их победителям и призерам.

Снова в тени Всемирной выставки

Когда перед Международным олимпийским комитетом встал вопрос, кому поручить организацию Игр III Олимпиады, было решено: поскольку спортсмены Соединенных Штатов Америки особенно успешно выступали на двух первых Играх, пора им принять Олимпиаду у себя. Сначала речь шла об организации Игр в Чикаго – одном из крупнейших промышленных городов на севере США. Но вдруг у такого авторитетного олимпийского кандидата появился неожиданный конкурент – Сент-Луис. Это был тогда не очень большой провинциальный город, уютно расположившийся на главной водной артерии Соединенных Штатов – реке Миссисипи, чуть ниже того места, где в нее впадает река Миссури. О количестве жителей в этом городке в начале века можно только догадываться, если принять во внимание, что по переписи 1900 года в нем проживало 451 тысяча человек. Тем не менее уже тогда это был второй по величине город штата Миссури, один из важных транспортных узлов в группе штатов Северо-Западного Центра. Здесь торговали зерном, хлопком, табаком, лесом, скотом...

Сент-Луис должен был устроить в 1903 году Всемирную выставку, но она не была готова, организаторы обещали открыть ее только в 1904 году. И никто никогда не узнает, было ли это опоздание случайным или намеренным. Но, как бы

там ни было, оно позволило Сент-Луису добиться права на проведение Игр. Чикагские власти протестовали, заявляли о том, что жители города уже собрали 120 тысяч долларов на проведение Игр, обещали перечислить в фонд МОК все доходы от продажи билетов на соревнования – не помогло. Тогда они стали кричать о махинациях, обвинять Национальный олимпийский комитет во взяточничестве, даже угрожали всяческими разоблачениями. Пришлось прибегнуть к арбитражу президента Теодора Рузвельта, который высказался в пользу Сент-Луиса.

Так Сент-Луис стал столицей Игр III Олимпиады. И вот так Игры снова были приурочены к Всемирной выставке. В результате, как впоследствии признавали многие олимпийские историки, Олимпиада прошла в тени ярмарочных павильонов, немало потеряв в пропаганде олимпийского спорта и превратившись в чисто американское мероприятие. Поэтому с полным правом можно сказать, что это были американские игры. Многие европейские спортсмены не приехали на Олимпиаду: слишком велика была стоимость проезда. Правда, организаторы обещали прислать в Европу специальный пароход, который должен был бесплатно доставить участников на американский континент. Но сколько европейцы ни всматривались в горизонт, морского лайнера из США они так и не увидели. К слову, некоторых остановила не только дороговизна трансатлантического путешествия, но и перспектива очутиться в незнакомой и полудикой, по представ-

лениям многих, стране. Да, именно так тогда многие представляли далекую Америку.

На Играх Олимпиады был показан ряд выдающихся результатов в легкой атлетике – было установлено 16 олимпийских рекордов, два из которых превышали мировые. Рекорд выдающегося американского атлета Арчи Хана в беге на 200 метров – 21,6 – продержался до 1932 года. Это тем более удивительно, что дистанция в итоге оказалась на метр больше классической. Получилось так, что участники финала на двухсотметровке трижды допускали фальстарт, и тогда судья, дававший старт, раздраженный невозможностью выявить конкретных виновников, принял свехоригинальное решение: отодвинул всех на метр от линии старта. Так Арчи Хан стал единственным олимпийским чемпионом в беге на 201 метр.

На соревнованиях по легкой атлетике не обошлось без скандала. Речь идет о невероятном мошенничестве американца Фреда Лорца, участника марафонского забега, дистанция которого проходила по пыльным дорогам, пересекала холмы и равнины. Лорц, который находился в лидирующей группе, через двенадцать километров после старта вдруг остановился: сильнейшие судороги свели ноги. Какой-то болельщик, ехавший за спортсменами на автомобиле, взял Лорца к себе. Вскоре они обогнали всех конкурентов, а за восемь километров до стадиона Лорц сказал, что почувствовал себя лучше и попросил водителя высадить его из ма-

шины. Эти восемь километров он добирался пешком, но все-таки достиг стадиона, где был встречен овацией двух тысяч зрителей. Оркестр исполнил государственный гимн США. Дочь президента Алиса Рузвельт вручила ему золотую медаль и сфотографировалась на память с «чемпионом».

Эта комедия длилась до тех пор, пока на дорожке стадиона не появился, спотыкаясь и пошатываясь, американец Томас Хикс. За ним на стадион въехал официальный наблюдатель, который обвинил Лорца в том, что тот часть дистанции проехал на автомобиле. Это вызвало бурю негодования на трибунах. И в то время как действительный чемпион Хикс, потеряв сознание, лежал на земле, лжечемпион был пожизненно дисквалифицирован. Позже он, правда, сумел выпросить прощение, был восстановлен в любительском легкоатлетическом союзе США и на следующий год выиграл в Бостоне первенство страны по марафонскому бегу, на этот раз без посторонней помощи.

Но настоящий чемпион – был ли он лучше ложного? В этом можно усомниться, прочитав записки его тренера Шарля Люка:

«За семь миль до финиша Хикс упал в обморок. Тогда я решил сделать ему инъекцию – ввел один миллиграмм сульфата стрихнина и дал запить глотком французского коньяка. Он побежал дальше, но за четыре мили до финиша мне пришлось прибегнуть к повторной инъекции, после чего он походкой, более или менее похожей на бег, кое-как закончил

дистанцию».

В том же забеге другой участник, имени которого история не сохранила, лишился шансов на победу, столкнувшись в пути с собачьей сворой. Марафонец был вынужден спасаться в посадках кукурузы по краю дороги и петлять по полю около часа, прежде чем он оторвался от четвероногих преследователей и вернулся на дистанцию.

Весьма оригинальный способ прыжков с шестом продемонстрировал в Сент-Луисе японский прыгун Савао Фуни, впервые в жизни участвовавший в соревнованиях в прыжках с шестом. Он решил, что суть этого вида состязаний заключается в том, чтобы перебраться через планку с помощью шеста. Атлет обзавелся более прочным шестом, чем у остальных участников, воткнул его в песок перед планкой, ловко вскарабкался по нему и перемахнул через планку. Спортсмену объяснили, что прыжок действителен только тогда, когда он произведен с разбега. Выслушав наставления, Фуни вежливо поклонился, взял шест, неторопливо пробежал по дорожке разгона и, приблизившись к яме, вновь повторил прыжок в своем своеобразном стиле. Очередные попытки объяснить олимпийцу суть состязаний успеха не имели. Судьи не поняли «новаторства» японца и аннулировали результат, а спортсмена дисквалифицировали. Обиженный спортсмен заявил, что судьи придираются к нему из-за азиатского происхождения, а в японской прессе появились возмущенные статьи о нечестном судействе.

Соревнования по плаванию проводились в искусственной реке на территории выставки. Плавательная дорожка была весьма примитивной. Ее неправильные формы вызывали ошибки в проведении стартов, которые давались с наспех сколоченного плота, не выдерживавшего веса шести-восьми человек. Плот погружался так глубоко, что ноги стартующих были по щиколотку в воде. Из-за этого в момент прыжка в воду ступни скользили назад и спортсмены буквально падали.

Согласно официальному отчету, на Играх в Сент-Луисе разыгрывалось 85 золотых медалей, но похвалиться званием олимпийского чемпиона смогли 390 человек. Дело в том, что дирекция выставки еще весной начала проводить соревнования, носившие чисто местный характер. Чтобы повысить интерес к этим соревнованиям, их тоже называли олимпийскими играми. Так получилось, что 390 человек, выигравшие в течение года эти так называемые олимпийские игры, стали считаться олимпийскими чемпионами и даже получили олимпийские медали. Правда, сами эти медали, как и многих их обладателей, можно назвать олимпийскими с большой натяжкой. На лицевой стороне наградной медали было написано: «Всемирная выставка, Сент-Луис, 1904» и оставлено место, на котором выгравировывали название вида спорта или номера программы. Справедливости ради надо заметить, что на оборотной стороне все же слово Олимпиада присутствовало.

Во время Игр в Сент-Луисе имело место, мягко говоря, печальное явление. Организаторы Игр устроили так называемые «антропологические дни». Они не нашли ничего лучшего, как отвести два дня для соревнований спортсменам «нецивилизованных народов» – индейцам, пигмеям, филиппинцам, патагонийцам... Участники соревнований боролись в грязи, лазали по шесту и метали копья, за что получали отдельные награды, которые, как планировали организаторы, могут быть приравнены к олимпийским. Большинство «спортсменов» были рабочими с выставки. Соревновались они друг с другом в национальных костюмах. Представляя их подобным образом, отдельно, как выставляют редких животных, организаторы Игр дали повод для расистских выпадов, а в официальном справочнике выставки так прямо и было написано: «Представители диких и нецивилизованных племен показали себя слабыми атлетами, доказав на деле, что их способности зачастую явно переоценивают». Этим организаторы Олимпиады 1904 года наносили серьезный удар по самому принципу олимпийского движения. «Антропологические дни» легли черным пятном на Олимпийские игры 1904 года. Против расистской выходки резко выступил Пьер де Кубертен. На заседании Международного олимпийского комитета он гневно восклицал:

– На кой же черт было затевать все это, если расисты, человеконенавистники, плантаторы плюют на нас и вводят на Олимпиадах «антропологические дни»! Оплевана великая

идея. Оплевана Хартия. Мир умиляется – дочь американского президента вручает призы. Идиллия! Торжество возрожденного олимпизма! А на самом деле – расизм. Олимпиада для белых – и «антропологические дни»! Американцы оплевали великую идею. Как нам не стыдно? Как мне стыдно, господа!

Кубертен добился, что в дальнейшем на Олимпийских играх подобное никогда не повторялось.

III Олимпийские игры в Сент-Луисе по своим масштабам, программе и количеству участников значительно уступали Олимпиаде 1900 года в Париже. Удивительно, но население Сент-Луиса и многочисленные туристы, наводнившие этот город, почти не проявляли интереса к состязаниям: на самых крупных и напряженнейших соревнованиях никогда не присутствовало больше двух тысяч человек.

Да, попытка соединить Олимпийские игры и Всемирную выставку вновь окончилась неудачей.

В Европе Игры III Олимпиады прошли почти незамеченными. Правда, общественному мнению было чем заняться: на Дальнем Востоке начиналась русско-японская война...

Олимпиада судейских ошибок

На организацию IV Олимпийских игр выставили свои кандидатуры четыре города – Берлин, Лондон, Милан и Рим. Но к моменту сессии Международного олимпийского комитета, на которой должен был решаться вопрос о столице Олимпиады 1908 года, осталось три претендента: Олимпийский комитет Германии не сумел заручиться поддержкой своего правительства и вынужден был снять кандидатуру Берлина. МОК тайным голосованием отдал предпочтение столице Италии.

Итальянцы рьяно взялись за подготовку Олимпиады, но вдруг за год с небольшим до Игр отказались от них. КОНИ (Итальянский национальный олимпийский комитет) сообщил в МОК, что он не имеет возможности организовать Игры в Риме из-за скрытой оппозиции в Милане, Турине и других крупных городах страны. Несмотря на то, что Рим был столицей, каждый крупный город в Италии того времени претендовал на свою исключительность и не мог допустить, чтобы Рим был выделен из общего ряда итальянских городов. А Олимпийские игры давали Риму такую возможность. Уж лучше отказаться от Олимпиады совсем, решили в КОНИ. То, что это стало серьезным испытанием для всего олимпийского движения, их не касалось. И если бы не англичане, тут же предложившие свои услуги, быть может, в

1908 году Игры вообще не были бы проведены. Но англичане выручили, и Игры состоялись.

В 1908 году в пригороде Лондона Шепард Буш должна была проводиться франко-британская выставка, и представлялся случай провести в одно время Олимпийские игры и большую ярмарку. Но на этот раз беспокойство Международного олимпийского комитета было напрасным: спорт не был низведен до уровня простого развлекательного аттракциона. Он занял достойное место.

В дни открытия Игр IV Олимпиады над Лондоном, как это нередко бывает на острове, висел густой многослойный серый туман, целыми днями лил затяжной дождь, холод проникал в сердца даже самых терпеливых и выносливых болельщиков. Должно быть, поэтому в день открытия на стадионе было довольно мало зрителей. Зато в ложе почетных гостей было полным-полно высокопоставленных и коронованных особ: начиная с английского короля Эдуарда VII, восседавшего вместе с королевой Александрой, шейха Непала, греческой принцессы и кончая послами Франции, России, Италии...

Впервые во время торжественного парада команды шли под флагами своих стран, и каждая команда была одета в разные костюмы. На предыдущих парадах открытия Игр, если они проводились, участники шли в спортивной форме. На последующих после Лондонской Олимпиады Играх на парады открытия участники выходили во все более интересных и

красочных костюмах, постепенно это вылилось в своеобразное состязание кутюрье. И это – парад нарядов, как и позднее состязание технических достижений, архитектуры и многого другого – все больше и больше выводило Олимпийские игры за рамки чисто спортивного события, постепенно они становились тем, чем стали наконец в наше время: не просто праздником молодежи всего мира, но и демонстрацией достижений во всех областях цивилизации.

Итальянский марафонец Дорандо Пиетри не получил никакой медали, но тем не менее всеми единодушно признан одним из героев IV Олимпиады. Старт марафону давался в Виндзоре. По просьбе членов королевской семьи место старта было отнесено к террасе Виндзорского дворца. Оказалось, что от дворца до стадиона «Уайт Сити» чуть больше 42 километров. Если быть уж совсем точным, то 42 километра 260 метров, на 65 метров больше классической марафонской дистанции. Но это обстоятельство не могло служить помехой, и вот жарким июльским утром в дальний и нелегкий путь из Виндзора в Лондон двинулись 56 спортсменов из шестнадцати стран. Среди них малоизвестный кондитер из Италии Дорандо Пиетри. Незадолго до Олимпиады, буквально за несколько недель до приезда в Лондон, Пиетри блестяще выиграл в Париже забег на 30 километров. Но большой известности эта победа ему не принесла: в Париже не было ни одного из тех спортсменов, кто вышел на старт марафона в Лондоне.

Пресса и убежденные ею зрители считали основным фаворитом южноафриканца Чарльза Хефферсона. И он добро-совестно пытался не обмануть их надежд, бессменно лидируя на протяжении 35 километров. Казалось, на сей раз прогнозы оправдаются. Запас времени лидера – сорок минут. Но, как это бывает довольно часто, в действительности все оказалось совсем не так, как предсказывали.

За шесть километров до финиша Хефферсон не выдерживает огромного напряжения и падает прямо на дорогу. Подбежавший врач констатирует: упадок сил. Хефферсон все-таки встает и пытается продолжать бег.

В это время вторым уже бежал Пиетри. Он отставал от лидера на целый километр. Итальянец, предупрежденный о том, что Хефферсон выбился из сил и бежит уже еле-еле, резко спуртует. Довольно быстро он догоняет африканца и на сорок первом километре обходит его.

Но последний рывок слишком дорого дался Пиетри, он тоже переоценил свои силы. С огромным трудом он приближается к воротам стадиона. Почти в бессознательном состоянии появляется на дорожке «Уайт Сити» и, вместо того чтобы бежать налево, поворачивает направо. Судьям стоит больших трудов направить его по правильному пути. Последняя прямая – это настоящий «крестный путь».

В семидесяти метрах от финиша Пиетри плашмя падает на гаревую дорожку. Два врача бросаются ему на помощь. Но он снова поднимается, как боксер после тяжелейшего нок-

дауна, который находит в себе силы встать на ноги буквально за мгновение до того, как рефери на ринге уже хочет произвести: «...девять, аут!», и в полной прострации бежит дальше. Через двадцать метров он падает вновь и – о чудо! – снова встает. Весь стадион, затаив дыхание, напряженно следит за тем, как маленький марафонец ведет нечеловеческую борьбу с самим собой и с последними метрами дистанции.

До финишной ленточки остается всего 15 метров! Именно в этот момент весь стадион поднялся, чтобы приветствовать второго атлета, появившегося на дорожке, – американца Джонни Хэйса. Пиетри, подавленный этим шумом, не выдержал и рухнул на землю. К нему подбегают два человека – судья и журналист (хроникеры того времени говорят, что это был сэр Артур Конан Дойль – «отец» Шерлока Холмса). Они склоняются над итальянцем, хлопают его по щекам, стараясь привести в чувство, поднимают его, ставят на разъезжающиеся, как на льду, ноги и сопровождают, поддерживая под руки, до финишной ленточки. Дорандо Пиетри пересекает ее победителем и... побежденным.

После очень долгих дебатов судейская коллегия все же дисквалифицировала Пиетри за то, что он воспользовался посторонней помощью. Олимпийским чемпионом был объявлен Джонни Хэйс. После награждения королева Александра пригласила Дорандо Пиетри на трибуну и вручила ему золотой кубок, похожий на тот, который получил победитель. Своим удивительным мужеством, твердостью и

упорством маленький итальянец заслужил победу. «Крестный путь» Дорандо Пиетри стал самым драматическим событием Игр IV Олимпиады.

Было на Олимпиаде и несколько инцидентов другого характера, связанных с качеством судейства соревнований. Во время легкоатлетических стартов несколько раз возникали столкновения между американцами и англичанами. Началось, правда, еще до соревнований. Во время церемонии открытия Олимпиады произошел первый политический скандал. Как обычно, во время праздника открытия стадион был украшен флагами стран-участниц, но на сей раз на новом стадионе «Уайт-Сити» организаторы почему-то «забыли» вывесить национальные флаги США и Швеции. А во время торжественного прохождения олимпийцев перед трибуной английского короля Эдуарда VII знаменосец сборной США Мартин Шеридан, протестуя против забывчивости организаторов, не склонил флаг, как того требовали правила, в знак уважения к главе государства – хозяина Олимпиады. Позднее Шеридан заявил, что «этот флаг не склонится ни перед одним королем». Демарш вызвал возмущение британцев и скандал в прессе.

Но когда начались соревнования, противостояние достигло предела. Самый знаменитый скандал произошел во время финального забега на 400 метров. В финал вышли три американских бегуна – Джон Карпентер, Джон Тейлор, Уи-

льям Роббинс и шотландец Уиндхэм Холсуэлл, выступавший за команду Великобритании и установивший в предварительном забеге новый олимпийский рекорд – 48,4 секунды. Американцы решили любой ценой помешать ему выиграть. На этой дистанции был всего один поворот, а дорожка не была размечена. С самого старта Тейлор и Роббинс заботились только о том, чтобы удержать шотландца подальше от бровки, в то время как воспользовавшийся давкой Карпентер убежал навстречу легкой и нечистой победе.

Что произошло дальше, американские и британские источники до сих пор рассказывают по-разному. По британской версии, Карпентер широко расставил локти и пытался оттеснить Холсуэлла вбок (в то время беговой сектор не размечался на отдельные дорожки для каждого спортсмена). По американской версии, Карпентер бежал как положено и никому не мешал. Так или иначе, один из британских арбитров, расставленных вдоль бегового круга, крикнул, что заметил нарушение, судья на финише объявил забег недействительным и порвал финишную ленту. Разразился скандал с взаимными оскорблениями, угрозами и попытками физического воздействия на оппонентов. Британские судьи дисквалифицировали Джона Карпентера и отстранили его от участия в олимпийских мероприятиях.

Все результаты этого забега судейская коллегия аннулировала, а забег решили провести двумя днями позже и по размеченной дорожке. Американцам это решение пришлось

не по вкусу, и главный тренер сборной США Джеймс Салливан запретил Тейлору и Роббинсу участвовать в забеге. Уиндхэм Холсуэлл бежал один и, естественно, стал чемпионом. Пожалуй, олимпийская история не знает второй такой уникальной победы, добытой в одиночестве, без соперников. (Разве что можно вспомнить печальной памяти императора Нерона). Кстати, с тех пор забеги на 400 метров проводятся по размеченным на беговой дорожке коридорам, а МОК после этого случая изменил правила судейства на Олимпиадах: бригады судей формируются из представителей стран-участниц состязаний (ранее судей выставляла страна-организатор).

Не менее пикантная ситуация создалась на соревнованиях по перетягиванию каната. Олимпийские правила в этом виде спорта требовали, чтобы участники состязаний были обуты в «обычную обувь, не приспособленную для этого вида состязаний», то есть, чтобы подошвы не были укреплены шипами или другими приспособлениями, помогающими упираться ногами в землю. Британская сборная по перетягиванию каната состояла из группы ливерпульских полицейских, которые явились на состязания в форменных ботинках с укрепленными металлическими бордюрами подошвами и шипами. Американские участники состязаний, считавшиеся главными соперниками англичан, заявили протест и потребовали переобуть соперников. Состоявшая из британцев судейская коллегия протест отклонила, сославшись на

то, что сборная Великобритании обута в обычную, повседневную обувь. Американские атлеты отказались от участия в состязаниях, а британцы получили «золото».

Во время велосипедных соревнований произошел инцидент другого рода. Французский велосипедист Морис Шиль легко выиграл гонку на скорость, но его победа, одержанная над англичанами, была поставлена под сомнение судьями. Гонка была объявлена недействительной, результаты аннулированы под тем предлогом, что победитель превысил на 0,4 секунды лимит времени, указанный в одном из положений о соревнованиях, о котором, кстати, никто ничего не знал.

В Лондоне в 1908 году состоялся первый настоящий олимпийский футбольный турнир. Восемь команд, представлявшие семь стран, подали заявки на участие, Франция решила выставить две команды. Но позднее Венгрия и Богемия из-за политических разногласий забрали свои заявки назад, и число команд сократилось до шести, а стран – до пяти. Два предварительных матча олимпийского турнира закончились с астрономическим счетом: Англия – Швеция 12:1, Дания – Франция II – 9:0. Первая команда Франции и Нидерланды получили право непосредственного выхода в полуфинал из-за отказа Венгрии и Богемии. В полуфинале Дания встретилась с первой командой Франции и одержала победу со счетом 17:1. Это самый большой счет, когда-либо зафиксированный в олимпийских соревнованиях по футбо-

лу.

В финал вышли сборные Англии и Дании. Победили со счетом 2:0 хозяева Олимпиады. В матче за третье место должны были играть французы и голландцы, но французские футболисты, решив, что они пропустили уже достаточно голов, спокойно уехали к себе домой.

Интересная борьба развернулась в типично зимнем виде спорта, включенном в программу летней Олимпиады, – фигурном катании на коньках. Именно здесь спортсменом из России была завоевана первая золотая олимпийская медаль. Это сумел сделать Николай Коломенкин. Его спортивный псевдоним, который золотом вписан в олимпийскую историю, – Н. Панин.

Его победа не была случайной. Конькобежный спорт, включая фигурное катание, появился в России в середине XIX столетия. И уже первые десятилетия его существования говорили о высоком классе русских скороходов и фигуристов. Петербуржец А. Паншин три года подряд (1887–1889) завоевывал первенство в открытых чемпионатах Австрии по скоростному бегу на коньках, а в 1888 году выиграл международный турнир в Амстердаме. Фигурист А. Лебедев получил первый приз в крупнейшем соревновании сильнейших мастеров Европы и Америки в Петербурге в 1890 году. Фактически эти соревнования были неофициальным первенством мира.

В феврале 1908, олимпийского, года в Петербурге было

решено провести международные соревнования по фигурному катанию на коньках – Кубок памяти А. Н. Паншина. В самом этом факте ничего, в общем-то, удивительного не было – это ведь не первые международные соревнования в России (за пять лет до этого в Петербурге прошел чемпионат мира по фигурному катанию), но особый вес им придало участие семикратного чемпиона мира Ульриха Сальхова. Да, сам Ульрих Сальхов – национальная гордость Швеции – прибыл на этот турнир.

Кроме знаменитого шведа, в состязаниях приняли участие еще пять человек, из них трое русских фигуристов: Н. Панин, К. Олло и Ф. Датлин. Самым известным из этой тройки был Николай Панин. После смерти Паншина, он прочно завоевал звание «Лучшего конькобежца России по фигурному катанию». Звание это разыгрывалось с 1897 года, и первые четыре года его неизменно выигрывал А. Паншин. А с 1901 до самой Лондонской Олимпиады им владел Николай Панин-Коломенкин. «Журнал атлетики и спорта» – орган Санкт-Петербургского кружка любителей спорта – описывал, как в 1905 году Панин в очередной раз стал лучшим фигуристом России.

Для получения этого звания требовалось исполнить пять обязательных фигур, а также произвольную программу в течение пяти минут. «При оценке обязательных фигур, – рассказывал читателям корреспондент журнала, – принимаются во внимание: правильное выполнение рисунка, стройность и

свобода движений, величина рисунка на льду, покрытие следа при троекратном повторении фигуры. При оценке произвольного катания принимаются во внимание: содержание исполненной программы (трудность и разнообразие фигур) и исполнение программы (связность фигур и стройность, свобода и уверенность движений)».

Так как оспаривать у Панина звание лучшего никто не явился (видимо, испугались, и так все было ясно), то ему была дана норма за школу 300 баллов и за произвольное катание 144 балла. Так вот, Панин, несмотря на то, что боролся сам с собой, получил за школу 360 баллов, а за произвольное катание – 180.

Но вернемся в столицу Российской империи на соревнования 1908 года. Сальхов держал себя очень уверенно. Еще бы! Ведь до этого он только один раз проиграл на чемпионате мира, в 1906 году. На всех последующих соревнованиях он был на голову выше соперников. Особенно блестяще он выполнял обязательные фигуры. И соревнования, как обычно, начались с коронного для Сальхова школьного катания. Швед очень хорошо откатал обязательные фигуры и спокойно уселся на трибуне. Но... молодой фигурист, член Санкт-Петербургского общества любителей бега на коньках Николай Панин вдруг неожиданно выступил лучше. Своим мастерством исполнения специальных фигур Панин настолько морально подавил противника, что расстроенный чемпион не сумел занять даже второго места и пропустил вперед себя

К. Олло. Только в произвольном катании Сальхов сумел собраться и стать первым, но это не спасло его от поражения в целом. Кубок завоевал Николай Панин. Вот что писал об этом соревновании журнал «Спорт», выходивший в Петербурге: «Состязание собрало шесть конкурентов и ознаменовалось поражением Сальхова, только что в седьмой раз взявшего перед этим первенство мира. У всех пяти судей первым оказался Н. Панин. Если и была некоторая уверенность в том, что в специальных фигурах русские одержат верх, то никто не ожидал, чтобы один из них оказался победителем и в совокупности школьного и произвольного катания... Сальхов сдал в том, что составляло его главную силу, – в школе... В специальных фигурах Панин выделялся еще резче... Только в произвольном катании Сальхов стал победителем, оказавшись в общем счете вторым после Панина...»

Прошло несколько месяцев, и соперники встретились вновь. Но уже не на маленьком турнире, а в Лондоне, на Олимпийских играх. 29 октября олимпийский турнир был открыт школьным катанием, то есть обязательной программой. И здесь Сальхов, не надеясь, по-видимому, на чистую победу, прибегнул к приему, не делавшему ему чести как большому спортсмену и многократному чемпиону мира.

Когда Панин начал безукоризненно выполнять восьмерку на одной ноге назад, Сальхов демонстративно выкрикнул: – Разве это восьмерка? Да она совсем кривая!

На следующей фигуре, явно рассчитывая подорвать са-

мообладание противника, Сальхов повторил громкий словесный выпад, что вызвало протест со стороны Панина. Но Сальхов продолжал свою «психическую атаку», пока его не призвал к порядку главный судья.

Панин катался отлично, но результат соревнования уже заранее был предрешен не в его пользу. О том, как это произошло, Панин потом рассказывал:

– Состав судейской коллегии был неблагоприятен для меня, так как в нее вошли два шведа, личный друг Сальхова – швейцарец Хюгель, немец Вендт и от России Сандерс – всего пять человек. У немецкого судьи и Сандерса я получил за школу первое место, у шведа Гренандера второе – на 9 баллов ниже Сальхова и на 23 балла выше, чем у шведа Турена, занявшего по школе третье место. Но остальная пара «судей» – швед Херле и приятель Сальхова Хюгель дали мне четвертое место. Свою задачу «утопить» меня они выполнили, так как по тогдашним правилам победу решала общая наименьшая сумма мест.

В итоге Панин оказался на втором месте. Судейский произвол был настолько очевиден, что представитель России заявил протест. Но он не был удовлетворен, и тогда уже в порядке личного протеста Панин отказался выступать в произвольном катании. Сальхов стал чемпионом по первому разделу программы.

После окончания соревнований группа шведов – участников и судей – сначала в устной, затем официально, в пись-

менной форме принесла Панину извинения «за недостойное поведение Сальхова». Но, как говорят, поезд уже ушел.

Почему же так неспортивно, позоря свое имя мирового чемпиона, действовал Сальхов? Ответ на это дал второй день соревнований. Когда шведский фигурист увидел рисунки специальных фигур Панина, поданные в судейскую коллегию, Сальхов, чувствуя себя обреченным на поражение, отказался от выступления, не вышел на лед. Вот почему так необходим был ему выигрыш в первый день. Он, видимо, понимал, что Панин может сделать золотой дубль.

О втором дне соревнований Николай Александрович Панин вспоминал в своей книге «Страницы из прошлого», вышедшей в 1951 году:

«Когда Сандерс передал судьям мои фигуры, они единогласно заявили, что одна из четырех фигур невыполнима или в рисунке имеется ошибка. Сандерс подтвердил, что она будет исполнена в точности по чертежу; это была та самая фигура, над которой я столько мучился.

Так оно и вышло: все четыре мои фигуры были исполнены на зеркальной ледяной поверхности совершенно точно...

Когда я выступал в этом соревновании, то с гордостью чувствовал себя представителем своей родины и знал, что здесь уже никакие судейские комбинации не смогут украсть у меня победу».

Русский спортсмен катался великолепно. Судьи вынуждены были единогласно поставить его на первое место, дав ему

в общем 219 баллов из 240 возможных, то есть 91,8 процента. Такого высокого результата не добивался тогда никто. В официальном отчете об Олимпийских играх говорилось:

«Панин (Россия) был далеко впереди своих соперников как в трудности своих фигур, так и в красоте и легкости их выполнения. Он вырезал на льду серию наиболее совершенных рисунков с почти математической точностью».

В некоторых видах спорта представители Великобритании – хозяйки Олимпиады – завоевали почти все медали. Это произошло, например, в боксе, гребле, вольной борьбе. Такая же картина наблюдалась на соревнованиях по велоспорту (где англичане уступили только одну золотую медаль французскому тандему), теннису в зале и на кортах, рэкетсу, водно-моторному спорту, парусному спорту.

В хоккее на траве Великобритании выступала тремя командами, которые и разделили все награды между собой. Золото получила команда Англии, серебро – команда Ирландии, бронзу – команда Шотландии. В поло на лошадях картина была еще интереснее – играли только три английские команды и все назывались сборной Великобритании.

Лондонские Игры завещали нам исторические слова, которые часто ошибочно приписывали барону де Кубертену. В действительности эти слова принадлежат епископу Пенсильванскому, который 19 июля 1908 года в соборе Святого Павла во время службы в честь участников Игр, рассказав

собранным о трагическом забеге Дорандо Пиетри, заявил:
– Главное не победа, а участие!

В Лондоне 1908 года эти слова, учитывая безобразно предвзятое судейство, звучали издевательски.

Спортивная Цусима

Швеция считала большой честью предоставленное ей право организации Олимпийских игр. Шведы просили о проведении у себя Игр с момента создания Международного олимпийского комитета, то есть с 1894 года. И когда на сессии МОК 1904 года в Берлине столицей Игр 1912 года был выбран Стокгольм, они активно принялись за подготовку. Физическая культура в этой самой большой скандинавской стране развивалась гигантскими темпами, и это, естественно, давало право надеяться на успешное проведение Олимпиады.

Кажется, скандинавы первыми прониклись тем духом, о котором столько говорил Кубертен. Они старались организовать Игры с достоинством и простотой, характерной для античности.

Прежде всего организаторы предложили четкую программу Олимпийских игр, что бесспорно было большим шагом вперед. Затем приступили к строительству стадиона, которое доставило шведам немало неприятностей. При строительстве они немного изменили линию виражей беговой дорожки, в результате чего ее длина сократилась до 380 метров 33 сантиметра, хотя круг должен был составлять точно 400 метров. Пришлось начертить одиннадцать стартовых отметок, в которых трудно было потом разобраться.

Не считая этой оплошности, стадион получился хороший: весь из красного кирпича, украшенный двумя большими башнями, с трибунами в виде подковы. Под трибунами располагались помещения для участников, душевые, раздевалки, служебные помещения. Здесь же были развернуты выставки призов, спортивного инвентаря и литературы. Стадион называли Королевским.

Многочисленную команду направила в Стокгольм Россия – 178 человек, которые выступали почти во всех номерах программы. Но если во многих странах начали готовиться к Олимпиаде 1912 года сразу же после Лондона, то в России вспомнили об Играх лишь в конце 1910 года, когда царское правительство изволило, наконец, признать целесообразным создание Российского олимпийского комитета. 16 марта 1911 года представители тридцати одного русского спортивного общества, собравшиеся в Петербурге, на Садовой, в особняке Императорского Российского общества спасения на водах, одобрили проект устава Российского олимпийского комитета и представили его на утверждение правительству. Но прежде чем комитет начал действовать, прошло довольно много времени – год и два месяца. Это, в общем-то, неудивительно. В те времена было довольно сложно официально зарегистрировать устав какой-либо общественной организации. Например, когда в Москве учредили Первое русское гимнастическое общество «Сокол», устав его на утверждение в высочайшие инстанции был представлен 19

февраля 1882 года, а утвержден – более чем через год, 4 мая 1883 года. Так получилось и с Российским олимпийским комитетом. Только 17 мая 1912 года устав комитета был утвержден Министром внутренних дел России. Кроме обычной чиновничьей волокиты, задержка с утверждением объясняется и чисто политической сложностью. Параграф первый устава Российского олимпийского комитета гласил: «Российский олимпийский комитет учреждается с целью объединения всех российских спортивных и гимнастических учреждений для подготовки их участия в Олимпийских играх». А что же тогда делать с финскими спортсменами, которые уже давно принимали в Играх самое непосредственное участие? Ведь Финляндия тогда входила в состав Российской империи как Великое Княжество Финляндское, а в столице этого Княжества – Гельсингфорсе – с мая 1907 года функционировал свой Национальный олимпийский комитет, который возглавлял барон Ренхольд фон Виллебрандт, член МОК к тому же.

Решили мудро: пусть финны продолжают выступать за себя, а все остальные, входящие в империю, будут представлять единую российскую команду.

Почетным председателем комитета утвердили барона Ф. Е. Мейендорфа, председателем стал Вячеслав Срезневский, товарищами председателя, иначе говоря, заместителями, – Алексей Лебедев и граф Георгий Рибопьер, ответственным секретарем – Георгий Дюперрон, казначеем –

Иван Бергман.

Новый комитет обратился ко всем спортивным организациям России с таким письмом:

«В июне 1912 года в Стокгольме состоятся Олимпийские игры, пятые по счету с тех пор, как они были возобновлены в 1896 году. В первых трех Олимпийских играх русские спортсмены не участвовали; только в 1908 году, на IV Олимпиаду в Лондоне, были командированы некоторыми обществами в первый раз представители России. Из пяти участников один вернулся с первым призом, двое – со вторым.

Этот факт, а также то обстоятельство, что русские любители – атлеты, борцы, конькобежцы, гребцы, гимнасты, стрелки, футболисты и другие нередко одерживали победы над знаменитостями в России и за рубежом, позволяют быть уверенным, что при правильной организации Россия может показать себя на Олимпийских играх 1912 года с лучшей стороны».

После этого Обращения в некоторых спортивных организациях страны началась подготовка к Играм. Наиболее серьезно отнеслись к Олимпиаде в признанных спортивных центрах России – Москве, Киеве, Одессе, Петербурге. Но вся подготовка строилась на благородном порыве энтузиастов. Правительство хоть и обещало всяческую поддержку, но так обещаниями и ограничилось.

О том, как комплектовалась российская олимпийская команда, пишет в своих воспоминаниях участник V Олимпий-

ских игр Федор Забелин:

«О том, что мне и моим четырем товарищам по Петербургскому гимнастическому обществу придется защищать спортивную честь России на V Олимпийских играх, мы узнали только месяца за полтора до начала Олимпиады. Я тогда работал лепщиком у подрядчика, а свое свободное время отдавал спорту. Мои друзья также совмещали занятия гимнастикой с работой или учебой: П. Кушников, Ф. Ясюков и С. Куликов были служащими и А. Ахун – студентом. Все мы считались неплохими гимнастами, но почему послали именно нас – это для меня так и осталось загадкой: в Москве, Одессе, Харькове и самом Петербурге были гимнасты сильнее нас. Причиной этого, вероятно, была организационная неразбериха, царившая в Российском олимпийском комитете, которому впервые в истории приходилось выставять команды по всем видам спорта, входившим в программу Олимпиады.

По условиям соревнований каждая страна имела право выставить 6 участников по индивидуальной гимнастике и от 20 до 40 – по групповой. Кроме нашей пятерки, назначенной без отборочных соревнований, в команду был включен сильный гимнаст из Харькова – Пилипейченко, но он выехать не смог. Зато по групповой гимнастике Россия посылала полную команду – 40 человек. Она была укомплектована курсантами Главной офицерской гимнастическо-фехтовальной школы. В отличие от нас, совмещавших тренировки с рабо-

той или учебой, офицеры специальную подготовку к Олимпиаде начали за полгода».

При формировании футбольной команды неожиданный спор вспыхнул между клубами Москвы и Петербурга из-за числа мест, предоставляемых каждому городу. Естественно, спортивный принцип был забыт, и в расчет принимались только вопросы престижа. Дело дошло до ультиматумов. Вот что вспоминает об этом известный футболист В. Житарев, выступавший на Олимпиаде за сборную России:

«На международной футбольной арене команда России была еще новичком. Однако это еще полбеды. Беда заключалась в том, что, когда встал вопрос о формировании команды на Олимпиаду, между Петербургом и Москвою начались настоящие бои. Деятели, стоявшие во главе футбольных лиг обоих городов, стремились протащить в сборную как можно больше «своих» игроков. Отборочные матчи выявили преимущество Москвы, но и это ни к чему не привело. Спортивные интересы были отброшены, начался настоящий торг. Тогда Москва выступила с ультиматумом: «Или москвичи совсем не поедут в Стокгольм, или, если поедут, то в таком количестве «своих» игроков, на которое имеют право».

Примерно так же формировались и команды по другим видам спорта. В журнале «Русский спорт» один из московских спортсменов писал:

«Петербургские легкоатлеты видели в нас не столько собратьев, сколько каких-то врагов, соперников: спортивные

воротилы, заботясь прежде всего только о своем личном престиже, рознь между собой внесли и в ряды спортсменов».

И вот таким образом укомплектованная команда приехала на V Олимпийские игры.

Делегация России прибыла в Стокгольм на пароходе «Бирма», принадлежавшем Восточно-Азиатскому пароходному обществу. Доктор исторических наук Дмитрий Александрович Крадман, который входил в состав российской команды и плыл на этом пароходе, рассказывал:

«Нас разместили в неудобных, плохо приспособленных для жилья каютах, в каждой по шесть человек. Все лучшие места были отданы офицерам и членам Олимпийского комитета. Едва на горизонте показались шведские берега, к «Бирме» подошла королевская яхта, которая забрала на свой борт высокопоставленных особ. Олимпийцев ждал другой прием. Дело в том, что нам перед отъездом не успели оформить заграничных паспортов. Мы вынуждены были жить на той же «Бирме» далеко от спортивных баз».

В то же время перед самой Олимпиадой для туристов было открыто срочное пароходное сообщение Рига – Стокгольм. На этом маршруте ходил шведский пароход со шведским капитаном О. Дибергом и с таким понятным русскому уху названием «Одинь». Правда, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что название это все же не русское, а чисто шведское и означает оно не «один», а «Один» – так звали верховного бога в скандинавской мифологии. Как сообщала

рекламная открытка, «пароход отличается быстрым ходом, электрическим освещением и хорошими каютами, а равно и удобным для пассажиров устройством». Из Риги он выходил в субботу в 4 часа пополудни, а обратно из Стокгольма можно было отплыть в среду в 11 утра. Продолжался рейс 23 часа. Для того чтобы заказать билеты на рейс, достаточно было о зайти к агенту. В Риге это было агентство П. Борнгольдт и К, располагавшееся на Дворцовой улице в доме 9, а в Москве на Маросейке, в доме Колбе, желающих поехать на Олимпиаду принимал Борис Крейцбергер. У него, кстати, можно было и заказать гостиницу в олимпийской столице, и билеты на самые интересные соревнования.

Но вернемся к участникам. Вот цитата из воспоминаний еще одного российского олимпийца:

«Мы совершенно не имели понятия, где, в какой день и в какой час должны принимать участие в состязаниях. Большею частью наши выступления были неожиданными, и мы являлись на старт растерянными и неподготовленными».

Естественно, такая команда не смогла показать себя с лучшей стороны и заняла лишь 15-е место, разделив его с командой Австрии. Известный русский писатель Александр Иванович Куприн назвал это «Спортивной Цусимой». А в самый разгар Олимпиады, 7 июля 1912 года, в Петербурге вышел очередной номер журнала «Къ Спорту!», в котором его издатель Н. Соловьев опубликовал свою статью под названием «Спортивная Цусима». Там он в частности писал:

«Полное поражение русских спортсменов не на шутку всколыхнуло и испугало наше общество. Одни предполагали, что хотя не футболисты – этот спорт у нас еще молод, а вот стрелки (ведь лучших из всей армии выбирали) должны добыть почетное место...

И в результате разгром... Полный, небывалый...

Деловитый янки успел найти время для спорта, выдвинул людей с колоссальной энергией, поразительной тренировкой и незнакомыми нам своеобразными приемами...

Наша безалаберность, авось и небось, отсутствие дисциплины, плана и умения его выполнить – дилетантство, недоделивание, – все это сказалось на нашей команде...»

В Стокгольме в легкой атлетике впервые появилось очень важное нововведение: полуэлектрический хронометраж и фотофиниш. Это особенно было важно для стометровки. Кстати, на этой дистанции разыгралась подлинная трагедия. Фаворитом соревнований по праву считался чернокожий американец Говард Дрю. Он легко выиграл предварительные забеги, обыграл всех в полуфинале, вышел в финал и уже радовался будущей победе... Однако произошла какая-то странная история.

Но давайте все по порядку. С момента своего прибытия в Стокгольм американская команда была предметом обсуждения местной прессы и завсегдатаев пивных, кафе и других подобных заведений, где люди собираются не только для

того, чтобы выпить пивка, но и просто посудачить, узнать последние новости да посплетничать, в конце концов. Прибыли американцы, как и россияне, на пароходе, но был он огромный и служил спортсменам и отелем, и стадионом: на нем они и тренировались. На палубе спринтеры бегали на 30 метров, отрабатывая старт и финиш, велосипедисты крутили педали, оставаясь при этом на месте (сейчас велотренажером никого не удивишь, а почти сто лет назад?), метатели бросали диски и копья прямо в море, а затем снаряды каким-то непостижимым для тех, кто с берега наблюдал за этим зрелищем, образом автоматически возвращались на борт.

Как и на предыдущих Играх, американцы готовились собрать огромный урожай медалей. Они были так в этом уверены, что даже позволили себе лишиться верного козыря — чернокожего бегуна Говарда Дрю.

Перед началом финального забега на 100 м диктор несколько раз вызывал на старт Дрю, но он так и не появился. Золото выиграл его белый соотечественник Ральф Крэг. По стадиону пошел слух, будто бы тренер американской команды, ярый расист, запер черного атлета в раздевалке, чтобы олимпийским чемпионом смог стать белый. Бедный Говард Дрю плакал от ярости, сбивая в кровь кулаки о запертую дверь. Разразился скандал. Обвиняемый в расизме тренер уверял всех, что Дрю порвал связки и только поэтому снят с соревнований. Так это было или не так, до сих пор точно не знает никто. Одни олимпийские историки счита-

ют, что американцы продемонстрировали воинствующий расизм, другие убеждены, что с атлетом действительно произошел несчастный случай и он растянул или порвал связки.

В Стокгольме было показано много отличных результатов. Например, в беге на 800 метров сразу пять человек побили мировой рекорд! Но самым сенсационным было выступление американского спортсмена Джима Торпа. И дело не только в двух завоеванных им золотых медалях. Главное, эти медали были завоеваны в труднейших видах программы – пятиборье и десятиборье – со значительным преимуществом над конкурентами. Вручая американскому индейцу лавровый венок, король Швеции Густав V сказал, что считает его величайшим атлетом всех времен...

Но имени его долгое время не было места в списках олимпийских чемпионов...

В пятиборье Торп показал лучшие результаты в прыжках в длину, беге на 200 и 1500 м и в метании диска. И только в метании копья он занял третье место.

Если легкую атлетику называют королевой спорта, то десятиборье, несомненно, венец королевы. Выступлением в Стокгольме Джим Торп доказал, что он действительно величайший атлет своего времени. Вот результаты, показанные им на Королевском стадионе: бег 100 м – 11,2 секунды; прыжок в длину – 6 м 79 см; прыжок в высоту – 187 см; толкание ядра – 12 м 89 см; бег на 400 м – 52,2 секунды; бег на 110 м с

барьерами – 15,6 секунды; метание диска – 36 м 98 см; прыжок с шестом – 3 м 25 см; метание копья – 45 м 70 см; бег на 1500 м – 4 минуты 40,1 секунды. Набрав 8412 очков, Торп на 690 очков опередил ближайшего соперника шведа Хуго Висландера. Если пересчитать результат Торпа по действующей сейчас таблице, получится, что он набрал на 1075 очков больше, чем победитель Олимпиады 1920 года, и на 102 очка больше, чем победитель Олимпиады 1924 года!

Королевский стадион стоя приветствовал героя V Олимпиады. В те дни в Стокгольме Джим Торп был самым популярным человеком. Когда он вернулся домой, ему рукоплескала вся Америка. Джим был счастлив. В стране, раздираемой расовыми противоречиями, где цветных считали людьми второго сорта, его, индейца племени Сек энд Фокс, принимают сенаторы и конгрессмены, сам президент Уильям Тафт пожимал ему руку и поздравлял с победой.

Разве могли бедные индейцы, родители Джима, там, в Оклахоме, даже мечтать об этом, когда в 1889 году Джим появился на свет?! Его называли Ва-Тхо-Хук, что означает «Сверкающая тропа». Это уже потом ему дали имя Джим Торп – для удобства произношения. С самых ранних лет Джим бегал и прыгал, как все мальчишки в мире. Никакие мальчишеские игры не проходили без его участия. Больше всего он любил объезжать диких пони и бегать с ними наперегонки.

Пришло время учиться. В школе развитому, физически

крепкому парнишке тренеры не давали прохода: одни тащили его в футбол, другие – в баскетбол или в плавание. Так и занимался Джим всем понемногу: прекрасно играл в футбол, баскетбол, бейсбол, лякросс, неплохо плавал, принимал участие в школьных соревнованиях легкоатлетов.

Огромный спортивный талант Торпа помог ему продолжить образование – сначала он попал в колледж, а потом и в университет. Учился он в Пенсильвании, в Карслилском университете. Там серьезно увлекся легкой атлетикой, уже через год был включен в олимпийскую сборную США, поехал в Стокгольм и привез оттуда две золотые медали.

Да, Джим был счастлив! Но спортивная слава – вещь необычайно хрупкая. Не всем в Америке пришелся по вкусу успех молодого индейца. Поборников расизма и дискриминации возмутил восторженный прием, оказанный американцами герою Стокгольма. Они забыли, что в шведской столице Джим Торп защищал цвета американского звездно-полосатого флага и в честь его победы звучал гимн Соединенных Штатов. Слишком уж ярким опровержением их расистской теории превосходства белых были феноменальные успехи двукратного олимпийского чемпиона!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.